

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ
Республика Беларусь, г. Минск

«СОВЕТОЛОГИЯ» И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

«Мир изменился, уже нет Советского Союза, а советология до сих пор осталась. Нужно упразднить такую дисциплину... Нет предмета изучения, – заявил Президент России В. В. Путин на встрече со студентами и преподавателями американских вузов в Колумбийском университете в сентябре 2003 г. – Сейчас уже не те времена, когда американ-

ская школа советологии и советская школа американистики занимались не столько изучением уникальности и многообразия двух цивилизаций, сколько выискивали слабые места политических систем для нанесения ударов, уколов, ущерба друг другу» [1]. Выступление Президента России отразило споры о судьбе советологии, долгие годы идущие в академической среде.

Термин «советология» получил широкое распространение в англо-американской историографии в 1960-е гг. М. Малиа описывал советологию как «академическую дисциплину, известную сначала под скромным определением "изучение региона", а затем под более амбициозным и научно звучащим понятием "советология"» [7, 83].

В русскоязычной историографии понятие «советология» используется с 1960-х гг., хотя в трудах различных авторов встречаются неоднозначные варианты его трактовки и перевода. Е. В. Петров отмечал, что в XX в. среди наук политического плана возникла, окрепла и обрела самостоятельность в мировом научном сообществе такая отрасль междисциплинарных исследований, как «советология», хотя ее название довольно условно, поскольку другим она более знакома как «советоведение» или «кремленология». Он считал, что «русским вопросом» в США занималось множество дисциплин от славистики и советологии до марксологии и кремленологии, но наиболее синтетической из них на протяжении столь долгих лет оставалась и остается «россиеведение». И далее: «Вопрос о ее релевантности (соответствии решаемых задач общественным потребностям) еще неоднократно будет дискутироваться в академических кругах. Ограничимся констатацией факта – россиеведческая элита Запада по праву доказала, что она существует и с ее мнением нужно считаться» [3].

В англо-американской историографии термин «советология» имеет различное толкование. Многие авторы ограничивали советологию современностью (текущими событиями) при всей неопределенности того, что мы считаем современностью. Некоторые включали в нее весь период советской истории или даже расширяли временные рамки, начиная с российской истории XIX в., особенно тех ее аспектов, которые оказали серьезное влияние на дальнейший ход исторического развития. Так поступил, например, В. Лакер в книге «Несбывшаяся мечта» [8]. Р. Такер предпочитал термин «русоеведение», хотя имел в виду масштаб всего государства. Кроме того, «советология», по его мнению, ограничивала изучение истории лишь советским временем, отрывая от него весь дооктябрьский период, хотя его нужно изучать в рамках более глубокого исследования истории страны.

Серьезные разночтения связаны и с классификацией советологии как академической дисциплины. Во многих исследованиях она признавалась субдисциплиной политологии, имеющей дело с изучением советской политики. Работы специалистов в других дисциплинах – истории, экономике, социологии – относились к советологии в той

степени, в какой они имеют точки соприкосновения с политологией. Так, А. Мотыль определял советологию как «изучение советской внутренней политики политологами и, в определенных случаях, историками» [10, 197]. С. Коэн отмечал: «В период становления советологии история и политология были практически неразделимыми дисциплинами в "советских исследованиях". Политологи подготовили большинство стандартных работ по советской истории, а большинство политологических трудов было написано с использованием методологии исторической науки» [5, 5].

С точки зрения Д. Нелсона, продвижение от советологии – изучения региона к советологии – социальной дисциплине произошло на рубеже 1960–1970-х гг., когда англо-американские исследователи постепенно отказались от представления о коммунистическом мире как о чем-то монолитном и неизменном и стали использовать эмпирические подходы, применяемые при изучении западного общества [7, 305].

Взгляд на советологию как на определенную академическую дисциплину (или субдисциплину) разделялся далеко не всеми англо-американскими исследователями. В среде специалистов прочно существовало также отношение к советологии как к сумме нескольких (обычно точно не определяемых) дисциплин в социальных или, реже, гуманитарных науках, объединенных общим объектом исследования – Советским Союзом. М. Малиа, описывая историю западной советологии, замечал, что в рамках исследования «будут охвачены четыре основные общественно-научные дисциплины: экономика, политология, социология и их общий предок – история» [12, 93].

Для многих англо-американских специалистов советология была междисциплинарной сферой с широким спектром обществоведческих и гуманитарных наук. Так, С. Коэн определил в качестве главных интеллектуальных составляющих советологии историю и политологию, но предусматривал и включение других дисциплин. В своей резко критической оценке англо-американской советологии исследователь выражал сожаление, что основанная первоначально на идее междисциплинарного изучения региона советология под негативным влиянием тоталитарной школы совершила ошибку самоограничения, заменив изучение реальной истории и политики изучением режима. По его мнению, для выполнения задачи реального изучения советского общества советология должна обратить большее внимание на социальную историю и политическую социологию [5, 7, 24]. Похожую точку зрения высказала в середине 1980-х гг. и Ш. Фицпатрик, заявив, что советология наполнилась более глубоким содержанием в 1970-е гг., когда новая когорта социальных историков бросила вызов гегемонии политологов, хотя и была готова все еще ставить «старые советологические вопросы о политической системе» [6, 372].

В исследованиях, опубликованных в последние годы, отразился и широкий спектр взглядов на будущее советологии в англо-американской академической среде.

В сборнике «После советских исследований» для редактора Д. Орловски область исследований имеет прошлое и будущее, но для одного из авторов – М. Левина – «совершенно очевидно – СССР больше нет, следовательно, нет и советологии, речь может идти только о бывшей советологии» [2, 56]. А. Буравой, в целом разделяя такую точку зрения, высказывал мнение, что советология может сохранить за собой функции изучения прошлого: «Советология, по определению, имела дело с Советским Союзом... Его исчезновение означает, что советология может изучать только прошлое» [4, 78]. Нам представляется, что такая позиция точнее всего отражает современную реальную ситуацию и позволяет оставить в прошлом споры о приоритете той или иной общественной науки в рамках советологии.

Исторические дисциплины во всем их многообразии составляют сегодня основу советологии. «Выражаясь образно, "умерла" не советология, а Советский Союз, оставив

ученым беспрецедентную возможность проведения исследований» [4, 303]. При этом необходима интеграция с общественными и политическими науками: междисциплинарные подходы, безусловно, могут обогатить проводимые исследования советских проблем в рамках исторической науки. Использование в последние годы целого ряда недоступных ранее источников позволяет говорить о реальных перспективах советологии как исторической дисциплины.

1. Известия. 27.09.2003; Известия. РУ. 29.09.2003.
2. *Malia M.* Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5.
3. *Петров Е. В.* История американского россиеведения: Курс лекций. СПб., 1998.
4. *Beyond Soviet Studies.* Washington; Baltimore, 1995.
5. *Cohen S.* Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. New York, 1985.
6. *Fitzpatrick S.* New Perspectives on Stalinism // The Russian Review. 1986. Vol. 45. Is. 4.

144

7. Handbook of Political Science Research on the USSR and Eastern Europe: Trends from the 1950s to the 1990s. Westport, 1992.
8. *Laqueur W.* The Dream that Failed: Reflections on the Soviet Union. New York, 1994.
9. *Malia M.* From Under the Rubble, What? // Problems of Communism. 1992. Vol. 41. Is. 1–2.
10. *Motyl A.* Sovietology, Rationality, Nationality: Coming to Grips with Nationalism in the USSR. New York, 1990.

145